

— Ах, ну разве не прекрасно? Вечный спутник мой, тебе не подобает так кривить душой, когда рядом Я! Великая и Непревзойдённая! Фуах?!

— Знаешь, Киширика, когда это повторяется не просто изо дня в день, а из часа в час, не удивляйся, что тебя никто не признает в качестве Императрицы.

— Э-это неправда, ты врешь, ведь я точно знаю. Мои подданные ждут меня!

— В могилах.

Язвительно добавил Нилрем, обращая взгляд на то, что было вдали.

Прямо сейчас, для юного дарования, горизонт не отпускал солнце для рассвета, он его «выплевывал». Еда была помоями, окружающие — демонами, а собственные силы — ничтожными.

Одним словом, «Ужасно». Утро Грейрата не задалось. Его скверное настроение легко могло проясниться, скажи он Киширике два слова: «Плохой сон», и большинство вопросов бы отпали.

В частности, после переноса, Нилрему такие сны начали сниться чаще чем когда-либо. Особо сильно на него такой сон повлиял сегодня. Жаль не помнит он их содержания, лишь чувства оставляли горький привкус.

Караван, к которому присоединился Нилрем на правах попутчика, был самым, что ни на есть паршивым.

«Цирк уродов», парень видел демонов и один был краше другого. То козёл, то ящер, то кот.

Для человека с глуши, коим и являлся маг, такое разнообразие не вызывало восторга. Оно вызывало дискомфорт. Одно дело увидеть представителей демонов таких как Киширика и Рокси, чьи лица и тела не особо отличались от человеческих, и совсем другое, было начать путешествовать с натуральными чудовищами с иной, более туповатой физиогномикой.

Нилрем не раз за последние два дня ловил на себе взгляд недовольного демона-кота. Этот звериный взгляд, как помнил мальчик, являлся частью тех немногих, кто выступал против его временного вступления. Под непроницательно каменной маской, уста Грейрата, от настырного внимания, все время произвольно дёргались в кривой ухмылке. Она была отнюдь не доброй, сию кривизну, не долго размышляя сменяла настоящая палитра отвращения.

Если бы не маска! Ох, окружающие ещё не знали, если бы не маска, всех бы ждал невесёлый и очень печальный конец. Однако, просто так, он этого делать не желал. И пускай внутри копошатся когти огнедышащего дракона, что желал уничтожить демонов вокруг (Нилрем злился, ведь не понимал ни языка, ни жестов, ни их пристальных подглядываний), он сдерживал натуру, не пуская её во внешние круги.

Все они были работоторговцами, но работоторговцами со знаниями. До позавчера, маг не замечал этой потребности. Юный гений не знал языка демонов. А ведь все на этом континенте только им и чешут свои длинные да липкие языки.

«Что ж, разберемся», Нилрем прикоснулся тонкими пальцами к маске, убеждаясь, что она все ещё на месте. Находиться в ней, сложновато, душно, не хватало воздуха, того прохладного потока, что до сих пор отлично успокаивал нрав. Однако, ничего поделать с этим Грейрат не мог, он уже и без того, должен казаться окружающим до боли странным.

Ещё когда подметились тени, миражи миражей повозок, те о ком так радостно топталась Киширика, Нилрем не мог не подметить ту недоброжелательность к жителям срединного материка — к людям. Те изнеможенные, иссыхали в клетках, где их ласкали солнечные волки а не зайцы. Не лучше мумий для захоронения. Поэтому, решение притвориться "немым" демоном, крепи с каждым оставленным позади шагом, чем ближе марево становилось явью. Нельзя дабы сказать, хотел ли Нилрем повстречать подобную реальность на свои глаза взаправду, или же предпочел бы и далее бродить на пару с Киширикой. Это уже было не столь важно, реальность взяла своё и меняться не намерена.

Под приставленными ножами чужого глаза и уха, найти укромное местечко, как сейчас, дабы потолковать со спутницей, являлось делом не простым. Доводилось просыпаться на рассвете, пока спят все кроме вахтовых, тормозить Киширику, закрывать ей рот, дабы не закричала и тянуть девочку в тихую гавань, откуда открывались виды ранних скал (со стороны вахты, подобная "кража" не вызывала неприязни, просто мимолётный интерес). Они, кстати, отличались от дневных и вечерних. Только здесь, Нилрем мог перекинуться парочкой слов с Киширикой, да почесать кончик носа.

— Сегодня расспроси о катастрофе, — отдавая указания, Нилрем поднялся с места и обернулся к Киширису. — Не слишком навязчиво, чтобы не перегнуть палку доверия.

— Нилрем, тебе это точно нужно? Я же уже тебе рассказала все что знаю.

— То, что перенесло многих... я... я догадывался о подобном. И все же, может эти будут знать что-то ещё.

Закончив разговор и отдав свою судьбу в руки маленькой девочки, Нилрем мог только мечтать о полезном результате.

Винить себя в незнании языка было глупо. Он не знал, что такая трагедия может случиться вот так внезапно, в один прекрасный день.

— Чего тебе, сопля? — демон-сова, сегодня караулил, и ещё не сошёл с поста, как заприметил Киширику.

— Ку-ку, узнай же, подданный, мы! Велика...

Нилрем не понимал ни единого слова, но что-то ему подсказывало, что Киширика как всегда в своём репертуаре. Вздохнув громче обычного, он оставил Киширику демону «на съедение» и подобно настоящему тёмному магу плотнее прижал маску к лицу. Тот демон-маг, не доверял новеньким, и Нилрему в особенности. Это обычная реакция на незнакомца, который к тому же, отобрал у него подработку. Мальчик никак не мог знать о такой тонкости, он вообще не понимал никого и действовал соответственно тону и громкости голоса говорящих.

Тем временем, из клетки рабов будто загорелись огоньки ждущие чего-то. Бывшие крестьяне устали на парня, впрочем, говорить и подавать свой голос не спешили. Их было семеро в одной повозке, и четверо в другой, видимо делили по принципу, людишки к людишкам, а кто не поместится, поедет с демонами. Ведь в той, что поменьше, оказалось два демона. За страшные проступки или негодные свершения пара демонов попали в рабство Нилрем не знал, да и знать не особо желал. Единственное, что тяготило его тяжелый и острый взгляд, так это один полумертвый знакомый.

Парень узнал его далеко не с первого взгляда. Как-никак, а прошло больше трех лет с того времени, да и сейчас бедный страж деревни Буэна, совсем расклеился. Когда-то острые,

подтянутые скулы, сейчас напоминали глубокие впадины, а внимательные и чуткие глаза были полны боли и усталости.

Нилрем тихо прошмыгнул напрямик к железным прутьям, за которыми сидел Роулз, отец его давней подруги — Сильфиетты. Парень не собирался его освобождать. На данном этапе, это было слишком рискованно. Караван состоял в общем сложности из тринадцати демонов, по крайней мере половина из них была воинами минимум среднего ранга. Вполне естественно такой группе захватить Роулза в живых.

Единственное, чего не понимал Нилрем из этой ситуации, так это самого «папашу».

«Смирился?» Видя, как трудно ему прожить на секунду дольше, парень в очередной раз, задал немой вопрос.

Ответом на мысленное вопрошание был сухой сдавленный кашель из-за чего, Грейрат шагнул поближе и проскользнул по прутьям пальцами. Он быстро протиснул маленькую ладонь внутрь, в обход арматур, и казалось вот-вот протиснется всем телом, схватит мужчину за плечо, встряхнет полуживого, но нет. Внутри, незамеченная спящими и немощными заключенными, ладонь выпустила мелкое заклинание.

Из магии в обычную материю сотворился кусок льда.

Роулз не открыл глаза, возможно он все спал, но спал и видел тот же кошмар, что мучал его вне стен страны Морфея. Жажда выжигала мозги, сухость, хотела испепелить кожу, осушить язык, расслоить живое в неживое, а ветер, тот свободолюбивый озорник, что ранее освежал, сейчас из жалости собирался развеять прах полуэльфа по миру. Роулз не спал, ведь сон, — та же явь которой не ведомы законы милости.

Пускай вчера ему и позволили выпить больше обычного. Не смотрят на это, пересохшие губы задрожали, когда тыльная сторона ладони столкнулась с чем-то прохладным.

Прошло несколько секунд, прежде чем Роулз открыл глаза и посмотрел в сторону прохлады. Не веря своим глазам и сетуя на происки демонов или собственную слабость разума, Роулз считал кусок льда под рукой не более чем иллюзией. Откуда льду взяться в пустыне? Это до смешного нелепо.

Впрочем, последующая нескончаемая прохлада заставила его разжать пальцы и слизать с указательного каплю воды.

«Какого...» Недоумение было ещё слабо выражено из-за истощения, но это была его самая яркая эмоция за последние две недели.

Не понимая, дар ли это свыше, или гнусные демоны желали над ним посмеяться, да помучать ещё на день дольше, Роулз поднял тот лёд и впился в него зубами.

Давно засохшие губы начали впитывать воду так быстро, что через секунду, они полностью пришли в норму, а ещё через секунду глаза Роулза расширились.

Из сферы льда потекла вода. Оказалось, внутри та была полностью заполнена водой.

«Подумать только, кто бы мог себе такое представить?» Восхищение Полу-эльфа не нуждалось в словах, все было написано на лице.

Сделав победные три глотка холодной и абсолютно чистой воды, раб остановился. Внутри сферы оставалось ещё достаточно, чтобы сделать пять или шесть подобных глотков.

Роулз перевел взгляд вперёд. Там сидела, как и всегда, Мари. Хватало одного взгляда на её лицо с закрытыми глазами, чтобы понять, — она здесь умирает. Подобно тем цветам, которые сохнут в одинокой пустоши. У девочки без ног, не было шансов. У самого Роулза не было шансов. Демоны, не привыкли к человеку и считали его таким же жаростойким, как и себя. «Отряд Кручера» прекрасно знал, как заботиться лишь о демонических рабах и монстрах. Люди были вне их компетенции. Когда-то блестящие алым локоны Мари, сейчас потухли и утратили свой блеск и силу. Она подбила свечи, от яркого блеска которой остался темный фитиль. Юное лицо, доселе не знающее трудностей на удивление стойко, выстояло. Роулз слышал, что дети проще переносят засуху и голод, ведь даже сквозь всю сажу и ужасы рабства, Мари оставалась до странности красивой. Возможно то были просто бредни давно иссохшего мозга полуэльфа.

Глаза охотника не остановились только на её лице, он смело оглядел и двух демонов, которые лёжа спали и в ус не дули о какой-то там жажде. Видимо демоническим тварям взаправду не нужна вода, в таких количествах, как человеку.

Кандалы на его ногах тихо зашуршали. Он сам, специально приглушал звук, подползая к девочке подольше.

Всего метр, но как же долго тот его преодолевал.

«Неважно кто мне помог, демон или благодетель, главное сейчас выжить». Жизнь была так коротка, что Роулз мог отсчитывать её конец на пальцах рук, буквально поминутно. Но мог ли он умереть так просто? Удивительно твёрдые мысли, словно укладывали фундамент нового человека.

Он вспомнил почему живой и что должен делать. То сущее наваждение было не льдом в руке, а его слом как личность. Он сдался ещё вчера или неделю назад, все это не так важно, важно то, что он возвращался. И свет в глазах вспыхнул новой искрой, а толчком к огню послужила вода.

«Если демоны удумали издёвки творить, то пусть подавятся! Меня ждёт дочь и жена! Я не позволю себе умереть в такой глуши как эта, я буду жить!!!»

Такое понятие как «Я» Роулза, в прошлом, сломленное внешними факторами, впитало воду и укрепилось, возродилось из песка. Было ли это самовнушением или такова правда мира, но обретая огонь в душе он приглушал и боль, и голод, и, казалось, все на свете.

Однако не собой одним, Роулз был един. В нем ярко расцветали лепестки того озорного огонька, который согревает людей ближних. Подобных ему, таких же несчастных путников. И первой, кто вдохнет теплоту чужой расцветающей второй весной души, окажется давно сломленная куколка Мари.

Ощувив прикосновение к ноге, её глаза раскрылись, с ужасом уставившись в пустоту. Девочку трясло, как если бы ей именно сейчас, по новой, заживо срезали ещё какую лишнюю конечность.

Но Роулз был тверд в своей помощи, он открыл девочке рот и потихоньку вливал туда прозрачную жидкость. Вода была прохладной, впрочем, на той жаре, что бушевала круглый год, она испарялась очень быстро.

— Ахг! Хг.!

Мари не отвечала на внешний мир, полностью «убежав», спрятавшись в себе. Это тот максимум, которого достигла девочка в свои года, чтобы её больше не трогали. Её тело преобразилось в куклу человека. Марионетка, кукловод которой, бросил её. Впрочем, как бы глубока не была кроличья нора её заблуждений и самообмана, на кое-что она все же реагировала. Это были естественные потребности организма. Еда, вода и прочее. Замкнутый в себе разум решил жить до самого конца, пока её не перестанут жить. Чем дольше жила Мари, тем дольше она могла оставаться закрытой внутри. Девочка боялась того, что будет, когда она перестанет ощущать тело, биение собственного сердца, перестанет слышать голос внешнего мира, перестанет видеть адский ад... Она страшилась того, о чем догадывался её разум. Ужасалась просто раствориться, как лужа воды в пустыне.

И потому она ещё не умерла.

Та же чудотворная, прохладная вода которую она только что глотнула отличалась от всего, что она пробовала до этого. Во-первых, вода была прохладной, когда раньше вся вода, которая ей доставалась была тёплой. Во-вторых, её было много.

Этого оказалось достаточно, чтобы настоящая Мари, поджавшая колени и спрятавшая в них лицо, наконец показала лик и повернула его к свету.

А меж тем, Нилрем, с чувством исполненного долга, начал заниматься. Его внутренние часы указывали ровно на восемь утра. В это время, уже девяносто процентов демонов прокинулось. Парочка, жуткого вида насекомых, то ли богомол, то ли мух, отправилась создавать кулинарные творения.

Нилрем в очередной раз благодарил себя за маску.

— Эй, новичок, как поживаешь?

Демон с козлиным лицом. Одет тот был в грубые одежды, бежевого цвета. Что штаны, что рубаха на нем болталась так свободно, что мальчик диву давался, как его ещё не обчистили. И только потрепанного вида фиолетовый пояс как-то украшал тот образ злого демона.

Что самое главное, демон говорил с издёвкой на человеческом.

— Новичок, ты не бойся, я не кусаюсь, сам знаю каково это, меня ещё в детстве, одна гадина за копыто цапнула, — пригнувшись, своей четырех палой рукой, демон поднял одну штанину, указывая на небольшой шрам. Тот тянулся чуть выше копыта на сантиметров пять. — Это была тварюка дяди, так что когда я её палкой забил, он мне: «Эбат! Эбат! Сучья тварь! Ты у меня за это ответишь!» Так и прижилось в семье, бэ-бэ-бэ-бэ!!!

Недоумевающе склонив голову к плечу, Нилрем не собирался открывать рот. Даже если его посчитают человеком, он до последнего собирался быть немым демоном. Создав тишину, а вернее не нарушая её, Эбат закончил смеяться и повторил действие за мальчиком.

— Да не бойсь ты так, неужто думал, по тебе не видно? Ты послушай, я тебе вредить не хочу, просто мне нужно знать точно, ты человек или нет? — как и ожидал Нилрем, голос демона был озадачен. Возможно Эбат и противоречил козлиной природе, плетя паутину интриг, но Грейрата так просто не вывести на чистую воду, тем более, маска ему в этом помогает. — Ц, не

могу понять из-за этой уродливой маски.

Услышав комментарии козла, и видя, как тот тянет к нему свою руку, первым, что пришло в голову парню, было отрезать ему то недоразумение, которое называлось рукой.

«Уродливое существо», ни для кого не секрет то, кем Нилрем был на самом деле. Он был горделивым ребенком с завышенным самомнением. Возможно, план Пола по исправлению, сработал с точностью да наоборот. В окружении беспомощных людей, Грейрат ощущал себя богоравным или близким к этому. Не удивительно, что и отношение к чужеродному у него изменилось, качнувшись к худшему.

Отбив ладонь демона, словно это пролетающая мимо муха, он создал камневидный кристалл, размером с мезинец. Тот левитировал над землёй, после чего начал угрожающе закручиваться по оси, все ускоряясь.

Не потребовалось и пяти секунд, дабы Эбат пришел в себя от неожиданности и тихо «Бэ-кнув», попятился, расставив руки широко от себя.

Мысли в черепушке демона крутились около вопросов: «Да кто он такой?!» И «Что мне делать?»

Оба были важны, но второй должен решаться быстрее, ведь закрученный камень уже начал угрожающе светиться от температуры.

Конфликт, подобно яркому пламени, только разгорелся.

Нил выставил вторую руку с полностью оттопыренными пальцами, а после, начал один за другим их загибать.

По спине Эбата пробежался холодок страха. Он всегда славился особой интуицией, а потому на подсознании знал. От снаряда ему не убежать и не уклониться. Не с его способностями. Прямоугольные зрачки пробежались по округе, наполняясь тревогой, ведь никого достаточно близко не обнаружилось.

Осталось только два не согнутых пальца, а как только остался один, мысли Нилрем натянулись как струна гитары. Тронешь её и услышишь единственную ноту:

«Убить».

Эбат поднял руки выше и заговорил, вместо «Ик», выдавая грудное «Бэ». Он заговорил на демоническом, отчего Нил перестал подавать ману в заклинание.

Он не знал сколько ещё будет жить и дышать одним с ними воздухом, но сперва Нилрем все же хотел собрать информацию, да побольше.

Ведь информацию он считал опаснейшим оружием.